

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

TOM VI

The Free economic society of Russia
Conversations about Economy

俄罗斯自由经济协会刊物
经济访谈录

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

2020, Москва

Под редакцией С.Д. Бодрунова

СОБЕСЕДНИКИ

Михаил Владимирович Ершов,
главный директор по финансовым исследованиям
Института энергетики и финансов,
профессор финансового университета
при Правительстве России,
член Президиума ВЭО России, д. э. н.

Георгий Владимирович Остапкович,
директор Центра конъюнктурных исследований НИУ ВШЭ

Александр Васильевич Мурычев,
член Президиума ВЭО России,
исполнительный вице-президент РСПП,
председатель Совета Ассоциации региональных банков
России (Ассоциация «Россия»), д. э. н.

Виктор Викторович Ивантер,
академик РАН
(14.11.1935–15.09.2019)

ВНУТРЕННИЙ СПРОС – ДРАЙВЕР РОСТА

В последние годы данные Росстата показывают стагнацию внутреннего спроса населения. Это очевидно связано со стагнацией реально располагаемых доходов людей. Но вот почему здесь стагнация? И как восстановить внутренний спрос в России?

Интервью программы «ДОМ Э» на телеканале ОТР, 29.08.2019

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Мукиса Китуйи,
генеральный секретарь Конференции ООН
по торговле и развитию

Татьяна Борисовна Крылова,
руководитель отдела
развития предпринимательства ЮНКТАД

Бодрунов: Уважаемые коллеги, эксперты Высшей школы экономики, начнем с вас, констатирую, что российская экономика остается в зоне риска, и самым уязвимым ее местом по-прежнему, остается внутренний спрос. Какие факторы угнетали динамику внутреннего спроса в последние годы? Почему так происходит? Какие риски негативного влияния на внутренний спрос существуют вообще?

Остапович: Проблема внутреннего спроса — это проблема, которую еще описывали классики современной экономики — Адам Смит, там, Маршалл и Давид Рикардо. Внутренний спрос я считаю одним из фундаментальных явлений в экономике. И именно внутренний спрос благоприятствует экономике. Какие факторы у нас? Росстат проводит обследования деловой активности предприятий различных видов деятельности. И практически у всех респондентов, которых они опрашивали, внутренний спрос, вернее, сама проблема спроса, я сейчас не стал бы даже делить на внутренний и внешний, стоит всегда на первом месте. Причем не только в тучные годы, когда экономика росла почти двухзначными темпами, но и в период рецессии, в 2008–2009 году, в период нашей последней рецессии 2014–2015 года.

Бодрунов: Я бы сказал, даже 2016-го...

Остапкович: 2016-й все-таки мы по пересчету Росстата прошли получше.

Бодрунов: Если пересчитать еще раз, еще лучше будет...

Остапкович: Ну, Росстат — это вообще притча во языщех, это теперь, как говорится, ньюсмейкер №1...

Бодрунов: Прошу прощения, вспомнил шутку Руслана Константиновича Гринберга: не верь статистике, кроме той, которую сам фальсифицировал.

Остапкович: Это да, логичная шутка. Но, с другой стороны, у нас нет альтернативного источника информации. Все-таки Росстат — это мощнейшая вертикальная структура, которая собирает информацию от Калининграда до Владивостока, и кроме них никто не может.

Бодрунов: Здесь вопросы, наверное, в методиках?

Остапкович: Да я бы даже не сказал, что в методиках. Росстат работает на проверенных методиках, на статистической Библии, так называемой, систем национальных счетов, как работает весь мир, как работает Евростат. Тут не методики, здесь все-таки проблема сбора информации. Собрать с Калининграда до Дальнего Востока информацию, причем у них же бешеные сроки по многим показателям, в том числе и по показателям спроса и производства: и начинают требовать информацию. А там работают на какой-нибудь макаронной фабрике в Тюмени три дамы, которые вот что-то дали, только бы отстали.

Бодрунов: Да, а потом попробуй верифицировать эти данные.

Остапкович: Потом по регламенту в Росстат можно еще через месяц посыпать...

Бодрунов: А в результате потом у нас Росстат пересматривает...

Остапкович: Иногда забывают пересмотреть, как у нас в прошлом году получилось, помните, когда «Ямал СПГ» в конце года выдал данные, про которые забыли

вообще. А это ни много ни мало 600 миллиардов рублей, и тогда у нас ВВП с планируемых Орешкиным 1,8 вдруг перескочил на 2,3% роста. Орешкин сам удивился. Он сказал, слушайте, это разовый фактор, и мы не знаем вообще, откуда это такое.

Бодрунов: А если посмотреть статистику нацспроса, я Вас немножко перебил, что угнетало все-таки наш внутренний спрос?

Остапкович: Во-первых, платежеспособность: и инвестиции, и потребительский спрос слабый. У тех предприятий, конечный продукт которых ориентируется на потребителя, а таких предприятий много, пятый год падают реальные доходы. Потребительский спрос практически стагнирует. Мы сейчас по отношению к 2014 году по доходам находимся в -10,5% по старой методологии. Но, даже пересчитав, Росстат показал, что мы на 8,5% в минусе относительно 2014 года. А вы представляете, что такое 8%! Это отбивать надо года три-четыре, если у нас даже темпы пойдут по 2% роста. А ведь 2014 год не самый лучший был, не самый благоприятный.

Ершов: Это точка зрения не только относится к сектору домашних хозяйств, то есть населения, нас с вами, но и бизнеса: и среднего, и мелкого, и крупного. В недавнем опросе Российского союза промышленников и предпринимателей, который был несколько месяцев назад проведен, именно внутренний спрос был назван как один из ведущих тормозов, мешающих бизнесу делать свое дело, мешающих экономике России. А с точки зрения факторов опять-таки эксперты все чаще и чаще говорят, что, например, в том же самом валютно-финансовом мире валютный курс как таковой, нестабильный и обесценивающий курс — это фактор, тормозящий внутренний спрос, в отличие от ситуации, когда курс стабилен или даже повышается. Высокие процентные ставки, о чем все мы много говорим: понятно, чем дешевле цена денег, тем меньше возможностей этими деньгами пользоваться. Поэтому история с реальными ставками, уровень которых у нас очень высокий, давно актуальная. Ну, и как таковые, реально располагаемые доходы, о чем коллега говорил: чем у вас меньше собственных денег, тем меньше вы можете их использовать. Но тут такой нюанс. Да, я, конечно, понимаю теоретически, что, чем меньше наш с вами денежный спрос, тем, по идеи, должна быть ниже инфляция. По идеи, для инфляции это, вероятно, хорошо. Чем меньше мы покупаем, тем, наверное, цены более устойчивые. Но тем меньше и экономический рост, рост экономики в целом. Это оборотная сторона медали...

Бодрунов: Да, это очень тонкая грань...

Ершов: Поэтому здесь очень важно выстраивать баланс между этими подходами.

Бодрунов: Вы упомянули опрос РСПП, у меня тоже есть кое-какие данные, только, может быть, чуть более старые, но все-таки показательные, не думаю, что они сильно изменились. Октябрь 2018 года: 30% респондентов РСПП заявили, что их деятельность ограничивает снижение спроса на производимую ими продукцию. То есть они бы сами могли бы больше работать, производить больше продукции.

Недавно у нас в Вольном экономическом обществе была большая встреча, организованная Международным союзом экономистов, и там были высказаны очень важные мысли, в том числе и по теме нашей беседы.

Нужна новая гармоничная бизнес-модель

НИТУЙ: Международному научному сообществу необходимо мобилизоваться для разработки новой бизнес-модели, которая приведет в гармонию вопросы получения прибыли и социальной ответственности и поставит для собственников на одну линию интересы акционеров, простых людей и устойчивого экономического развития. Малым и средним предприятиям, которые создают большинство рабочих мест в эконо-

мике, сложнее, чем крупному бизнесу, быть зелеными и энергоемкими в силу ограниченных ресурсов. Государству следует создавать условия, при которых малые и средние предприятия должны иметь возможность внедрять передовые методы производства и брать на себя социальную ответственность с наиболее уязвимыми группами населения и в то же время оставаться бизнесспособными.

Культура предпринимательства

Крылова: Во многих обсуждениях касательно малого бизнеса очень много всегда приводится различных проектов и мер по развитию, по содействию малому бизнесу. Но почему-то везде это создает очень большую проблему и меры эти не имеют того эффекта, на который рассчитаны, как правило. Опыт ЮНКТАДа говорит о том, что, в принципе, одним из существенных компонентов изменения этой ситуации является изменение к тому, как формируются предприниматели, и такой вот аспект, который именно нацелен на формирование культуры предпринимательства и предпринимательского менталитета.

Задача инвестиций

Мурычев: Бизнес живет все равно по своим законам. У России огромные возможности и проекты, долгосрочные, очень перспективные, и здесь есть есть на чем зарабатывать и как зарабатывать. Прибыль все-таки для бизнеса — это ключевой момент, и бизнес, прежде всего, оценивает эти возможности. Риски есть. Мы о них постоянно говорим и с властью, мы работаем. Но проинформирую вас, что сейчас принимается закон о поощрении и защите инвестиций в Российской Федерации. Этот закон очень важный с точки зрения того, что на политический цикл в шесть лет фактически вводится стабилизационная оговорка, которая после заключения соглашения с государством — бизнес может чувствовать себя уверенно — регулятора меняться не будет.

Бодрунов: Когда доходы все-таки, по Вашему пониманию, выйдут из такого пике, как Вы полагаете?

Остапкович: Ну, во-первых, начнем с того, что Росстат измеряет три вида дохода: доходы в целом, реальные доходы и реальные располагаемые. Я считаю, что наиболее адекватный показатель — это именно реальные располагаемые доходы, которые остаются после вычета всех налоговых и других обязательных платежей, в том числе процентных выплат по потребительским кредитам, и не надо связывать это с реальной заработной платой, потому что реальная заработная плата — это лукавый показатель.

Бодрунов: Я с Вами согласен: это очень часто преподносится нашими чиновниками, специалистами как некое большое достижение у нас. На самом деле, это, конечно, как-то влияет на располагаемые доходы в лучшую сторону, но нельзя путать одно с другим.

Остапкович: Реальная зарплата в структуре дохода составляет где-то 60–65%. То есть в основном динамика реальных зарплат должна диктовать динамику реальных доходов. Тем более у нас не такая уж плохая ситуация с другими компонентами, я имею в виду социальные выплаты, пенсии, предпринимательский доход, но он немного тоже падает. Но все равно абсолютно не коррелируются зарплаты с доходом. У нас в прошлом году рост зарплаты доходил до 8, а то и до 10%.

Бодрунов: А когда мы выйдем из этого пике?

Остапкович: Во-первых, у нас сейчас наблюдается экономический нонсенс: 12 кварталов подряд растет ВВП, и пять лет подряд падает реальный располагаемый доход. В принципе, это нонсенс. Да, реальные доходы всегда идут с лагом за ростом ВВП. Но ради кого растет экономика? Ну, кто главный бенефициар? Конечно, население, домашние хозяйства, люди. А у нас получается, что экономика растет, а доходы падают. Ведь что такое ВВП? Это рост производства, значит, рост прибыли, значит, рост налогооблагаемой базы, значит, поступления в бюджет, бюджет распределяет на людей, это мотивация предпринимателей к найму и к повышению заработной платы. Но доходы падают. В прошлом году Минэкономики предусматривал рост доходов на 3,2%, в итоге получилось –0,2.

Бодрунов: Недавно Московский академический экономический форум, о котором я упоминал, прошел. И там по этому вопросу, мне кажется, было интересное мнение академика Виктора Ивантера.

Проблема заработной платы

ИВАНТЕР: Еще одна проблема, довольно принципиальная проблема — это проблема заработной платы. Не будет никакого экономического роста и технологического роста, если не будет роста заработной платы. Разговоры о том, что есть какой-то такой закон о том, что заработка плата должна расти медленнее производительности, — нет такого закона. И хотелось бы знать, кто его изобрел, кто его доказал такой закон. Если в базе у вас есть равновесие между

зарплатой и производительностью, а при этом в условиях производительности доходы инвестируются в развитие, тогда зарплата может отставать. А так, вообще говоря, эмпирические расчеты показывают, что это все не так. Есть хорошая, мне кажется, мысль такого малосимпатичного политического деятеля, но успешного предпринимателя Генри Форда, который доказал, что инвестиции в высокую заработную плату — это эффективный способ и развития спроса.

Бодрунов: Вот видите, мнение академика Ивантера: необходимо все-таки инвестировать в заработную плату. Михаил Владимирович, как Вы полагаете, поможет это решать наши проблемы?

Ершов: Это будет важным фактором на пути этого решения. Другое дело, что, конечно, есть целый комплекс примыкающих проблем. Вот, например, столь же давняя и актуальная тема инвестиций, тема инфляции. Вроде как с инфляцией мало-мальски ситуация начинает входить в нормальные рамки. Она становится все лучше и лучше. Но такой нюанс. Я опять ставлю себя в положение потребителя обычного: да по какому-то товару или какой-то группе товаров инфляция стала невысокой, там, 2–3%. Но сам абсолютный уровень этих цен по этой группе товаров вырос в 1,5–2 раза по сравнению с периодом, который был 5–7 лет назад. До девальвации в 2014 году, например, условно говоря, цена была тысяча, а стала 1500 или 2000 и расти перестала. Инфляция по этой группе товаров стала минимальной. Но я ее теперь уже покупаю в гораздо меньшем объеме, чем мог себе позволить раньше.

Бодрунов: Не настолько выросла заработная плата.

Ершов: Да, о том и речь, хотя формально инфляция выглядит нормальной.

Бодрунов: Не говоря о том, что располагаемый доход еще ниже.

Ершов: О том и речь. Поэтому это вообще отдельная тема. Когда мы говорим о ценах, мы почему-то говорим о динамике цен. А в ценах еще очень важный компонент — их абсолютный статичный уровень. И тут, если что-то стало вдруг стоить в два раза дороже, так я эту

вещь буду покупать в два раза реже или меньше. Хотя рост инфляции по ней будет уже ноль или почти ноль. Это отдельная большая тема.

Но о чем говорил академик Ивантер, совершенно верно, необходимы вложения и любые инвестиции и в заработную плату, и в промышленное производство, обеспечивающее снижение издержек и, так сказать, какие-то товары длительного пользования более дешевого уровня. Чем эффективнее будет производство, понятно, тем меньше будут у вас издержки, тем меньше у вас будет в итоге цена. Чем меньше будут опять условия обеспечения этого производства, те же процентные ставки, о чем мы уже говорили сегодня, тем опять будут дешевле условия функционирования.

Остапкович: Главные ключевые показатели, определяющие спрос и вообще производство, — это доля инвестиций и доля фонда потребления в ВВП.

Бодрунов: Абсолютно точно.

Остапкович: Вот сейчас президент поставил задачу довести долю инвестиций до 25%. И это маленькая доля. У нас сейчас 21,2% примерно, по данным Росстата. Китай, когда делал свои вот эти вот рывки, у них была доля 45–50%.

Бодрунов: Да-да.

Остапкович: Но когда вы повышаете долю инвестиций, вы автоматически понижаете долю потребления...

Бодрунов: Конечно.

Остапкович: У нас сейчас доля потребления 50–52% — домашних хозяйств, я даже не беру государственные. Это довольно приличная, довольно высокая доля, то есть это как раз к вопросу о зарплатах. Если мы пойдем на увеличение зарплат, у нас будет фонд потребления увеличиваться, а фонд накопления основных фондов будет уменьшаться или стоять на месте.

Бодрунов: Это если мы не найдем источников дополнительных.

Остапкович: Конкуренция — это очень хорошо, когда у вас работает частный бизнес. А когда у вас, по оценкам ФАС, 70% добавленной стоимости создается государством, какая конкуренция, когда я отдаю субсидированные кредиты, я даю задание, что делать, я опре-

деляю цены и тех, кому продавать. Поэтому конкуренция здесь, естественно, нарушается. Приватизируйте не стратегические предприятия, не какие-то государственной важности, а продайте, приватизируйте обычные предприятия, у нас же доля государства — 55–60%, по некоторым оценкам — 70%. Это обратная пирамида, по сравнению с Западом. На Западе, наоборот, 25 или 30 — государство и 75 частных. Вот тогда можно говорить и о конкуренции, и о предпринимательском климате. Опять же у нас парадокс. У нас падают доходы, а потребление растет. То есть, у нас растет товарооборот.

Бодрунов: В чем причина? Как это объяснить?

Ершов: Долги растут, кредиты...

Остапович: Во-первых, потребительское кредитование...

Бодрунов: Закредитованность населения у нас сейчас достигла почти пика. У нас был такой уровень закредитованности населения в 2014 году, а потом снизился, а сейчас опять в районе 10%.

Остапович: У нас очень большая, по-моему, до 15 триллионов задолженность потребительская растет, сбережения падают, то есть потребляют за счет снижения сбережений. Остаток денег на руках падает. То есть падают доходы, но растет потребление, товарооборот, услуги, покупки за границей по картам — все растёт, ну, не бешеными темпами, но на 1,5–3%...

Ершов: Значит, это будущие проблемы. Потому что потом с этими всеми вещами нужно будет как-то разбираться.

Бодрунов: А может быть тут и хороший рецепт академика Ивантера: давайте инвестируем в зарплату, чтобы рассчитаться, расчистить это пространство, поле долгов, сохранив уровень потребления, а может, всё-таки уже тенденция пошла к росту и население привыкает к этому.

Ершов: Ох, думаю, у нас будут проблемы...

Бодрунов: Как превратить это во благо?

Остапович: Потребительское кредитование, боюсь, достигнет точки бифуркации через полтора-два года.

Бодрунов: Я согласен.

Остапович: И может быть эффект даже не 2014 года...

Бодрунов: В одной из наших передач я показывал книгу одного из иностранных авторов, как нам иметь кредиты и хорошо жить. А я говорю, как нам хорошо жить, чтобы за это нам ничего не было.

Ершов: С точки зрения роста, о котором коллега говорил, и, в принципе, роли населения и домашних хозяйств, еще важная проблема — качество роста, о чем неоднократно в вашей передаче говорили. Если мы посмотрим официальные данные, как рост замедлившийся раскладывается между обработкой и, скажем, сырьем, опять сырье растет более быстро, а обработка — более медленно. Мы делали анализ, почему это так. Это было влияние повышения НДС, который максимальное бремя возлагает на сферы, которые стоимость добавляют. А сырью, соответственно, и квазисырьевым сферам дают зеленый свет...

Бодрунов: Да, это гандикап для них...

Ершов: Получается перекос в структуре роста опять в пользу сырьевых сфер от технологичных сфер. Вот то, что можно было легко спрогнозировать еще до введения НДС, когда его ввели, мы сейчас видим уже по фактическим данным, как экономика начинает развиваться.

Остапкович: И плюс инфляция...

Ершов: И плюс инфляция.

Остапкович: Ведь что самое смешное — номинальные доходы-то выросли. Люди в первом квартале получили на руки больше денег, чем они имели в прошлом году. Но в прошлом году инфляция была 102,2, а в этом — 105,2, рост на 3%. И за счет инфляции у нас падение 2,3 по первому кварталу.

Ершов: Совершенно верно. У нас из-за налогов, кроме того, о чем мы сказали, естественно, произошел вклад в инфляцию, о чем коллега правильно сказал. И далее сам ЦБ говорит, что если дальше так будет идти, то ЦБ будет готов повысить процентные ставки опять. То есть раз инфляция, значит, он, естественно, в ответ повышает ставки.

Бодрунов: Тогда, Михаил Владимирович, какие государственные мероприятия, на уровне государства, на уровне нашего российского пространства экономического, могли бы дать какой-то позитивный эффект в этой части?

Ершов: Должна, очевидно, быть такая системная политика, где каждая из мер из всех смежных отраслей — и налоговой, и финансовой, и денежно-кредитной, нацелена на одну многоуровневую задачу. Если каждый раз какая-то одна мера будет денонсировать другую, из другой сферы...

Бодрунов: Да, мы видим массу противоречий, тут добавляешь, здесь увеличиваешь... Тришкин каftан.

Остапкович: Разнонаправленная политика.

Ершов: О чём и речь. Вот поэтому должна быть именно такая сфокусированная, целенаправленная политика достижения указанных целей.